

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Эльконин Л.В. Детская психология. – М.: Просвещение, 1969. – 328 с.
2. Гамезо, М.В., Матюхина, М.В. Возрастная и педагогическая психология. – М.: Просвещение, 1984. – 255 с.
3. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. – М.: Просвещение, 1966. – 96 с.
4. Зинченко В. П. Психологическая педагогика. — Самара: 1998. — 216 с.
5. Методика // Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Русский язык, 1988. – 178 с.
6. Марцинковская Т. История детской психологии. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 272 с.
7. Матюхина М. В., Михальчик Т. С., Патрина К. Л. Психология младшего школьника. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.
8. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М.: Просвещение, 1960. – 210 с.
9. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты. — М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 160 с.
10. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.:Издательство МДУ, 1981. – 584 с.
11. Кужиль О.М. Можливості використання мультимедійних курсів у навчанні читання на початковому ступені середньої школи // Іноземні мови в школі. – 2001. – № 2.
12. Коваленко Ю.А. Використання інформаційних технологій у навчанні іноземним мовам // Іноземні мови. – 1999. – № 2. – С. 27.
13. Паршикова Е.А. О некоторых особенностях организации коммуникативно-игрового обучения иностранным языкам в начальной школе в условиях кризиса 7 лет // Іноземні мови . 2001. – С. 38.
14. Московская Н.Л. К вопросу об эффективности использования компьютерных технологий в обучении иностранным языкам / Под ред. Н.Л. Московская, Е.В. Шацкая // Язык и образование в диалоге культур. - Севастополь, 2000. – С.15-21.
15. Преподавание иностранного языка в XXI веке: проблемы и перспективы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2004. – 120 с.
16. Протасеня Е.П. Компьютерное обучение: за и против / Под ред. Е.П. Протасеня, Ю.С. Штеменко // Иностр. языки в школе. – 2006. – № 3. – С.10 – 13.

УДК 82.09=111

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ОБРАЗА ДУБА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ГЕЙНЕ

А.Р. Сапункова, И.А. Попова-Бондаренко

Резюме. Работа посвящена мотиву дуба в творчестве Генриха Гейне. Определяется классическая трактовка образа в фольклорной и мифологической традиции. Проводится анализ случаев упоминания дуба у Гейне, выделенных полнотекстовой выборкой, их тематическая систематизация. Разграничиваются примеры сохранения исходного толкования образа и его кардинальной трансформации, характер его двойственности исследуется на конкретных примерах.

Ключевые слова: фольклор, релятивность, романтическая ирония, трансформация коннотаций.

Как и многие другие великие поэты и писатели XIX века, Генрих Гейне в своих произведениях зачастую обращается к традиционным фольклорным образам. Без их общего учёта не обходится ни одно исследование, посвященное творчеству великого немецкого поэта. Данная работа посвящена рассмотрению частного случая образа дуба, а определить характер его восприятия поможет сравнение с классической трактовкой случаев упоминания этого дерева. Дуб является одним из наиболее важных древесных символов в индоевропейском фольклоре и мифологии этого региона. Чаще всего дуб выступает олицетворением власти и мощи. В своем исследовании Дж.Дж. Фрэзер рассматривает примеры древних греков, итальянцев, кельтов и германцев, в системе божеств которых особое место отводится повелителю природных стихий, являющемуся также богом дуба. Так, в Додоне находилось святилище, где «поклонялись Зевсу в виде дуба-оракула», а «в древней Италии все дубы были посвящены Юпитеру итальянскому» [1, с. 217]. Выбор этого дерева Фрэзер объясняет тем, что оно росло на горах, которые согласно древнегреческим верованиям часто были жилищем главного из богов. Не менее важную роль играли дубы в религиозной системе кельтов Галии. Друиды почитали священными дуб и растущую на нем омелу; более того, «ни одного обряда

[кельты] не справляли без дубовых листьев» [1, с. 218]. Фрэзер отмечает, что и для древних германцев «главным священным деревом ... был дуб. Он, вероятно, был посвящен богу грома Донару или Тунару, равнозначному норвежскому Тору. Священный дуб неподалеку от Гейсмара в Гессене, который Бонифаций срубил в VIII веке, носил среди язычников имя дуба Юпитера, что по-старонемецки читалось: Donares eih – "дуб Донара". Что тевтонский бог грома Донар, Тунар, Тор отождествлялся с италийским богом грома Юпитером, явствует из английского слова Thursday (четверг), "день Тунара", что является простым переводом латинского выражения "dies Iovis".» [1, с. 220] При этом параллель с южноевропейской трактовкой бога дуба прослеживается и в наделении его великой оплодотворяющей силой. Делается вывод, что «богу дуба, грома и дождя в старину поклонялись все основные ответвления арийской расы в Европе и что он был главным божеством их пантеона» [1, с.221]

Неоднозначной является трактовка образа дуба, разбитого молнией. Фрэзер утверждает, что греки воспринимали молнию как знак явления божества. «Греки, как правило, обносили пораженные молнией места оградой и посвящали их Зевсу Низвергателю, нисходящему с небес во вспышке молнии. В этих огражденных местах устанавливались алтари, и на них приносились жертвы» [1, с.221]. Согласно же Топорову, разбитый молнией дуб в большинстве трактовок (кроме литовской) считается недобрым знаком [2]. Существует ряд преданий, по которым на дубе была распято божество (зачастую связанное с солнцем), за чем следует его возрождения. Отсюда культовое действие – сжигание дубового полена – лишение божества производительной силы и призыв ее возвращения одновременно. Венок из дубовых листьев передает идею силы, мощи, достоинства. Также в статье утверждается, что «в библейской традиции дуб (наряду с кедром) – символ гордости и высокомерия» [2, с.370].

О связи образа дуба в поэзии с фольклорной традицией говорит в своем труде М.Н. Эпштейн [3]. Он отмечает, что дерево привлекало поэтов своими внешними характеристиками (крепость ствола, могучая крона), однозначно являющимися символом твердости, мужества, силы, величия. Однако, «именно эта ясность исходного смысла сделала дуб особенно популярным на ранних этапах поэзии, а затем ослабила его значимость, когда образный строй поэзии стал усложняться и преодолевать однозначность фольклорно-аллегорического мышления» [3, с. 47]. У русских поэтов первой половины XIX века мотив дуба сопровождается мыслью о неистощимости жизни (например, у Пушкина и Лермонтова) или вечной жизни, преодолевающей холод могилы. В образе дуба выражается непресеченная воля земли, жизнь продолжается после смерти (Тютчев, Баратынский). Тем не менее, позднее именно эта долговечность дуба воспринимается как старость (Фет, Майков), как «мотив отъединенности дуба от молодой жизни, которая бушует вокруг, – словно бы сама поэзия вошла в новый возраст и иными глазами увидела это гордое дерево». [3, с. 48]. Эпштейн уделяет особое внимание амбивалентности образа: «Дуб растет над могилой – и по отношению к ней является носителем жизни, но по отношению к окружающей растительности может восприниматься как вестник смерти, «могильное дерево». Таким образом, дуб в русской поэзии, как и в мировом фольклоре, символизирует жизненную мощь, преодолевшую смерть, именно поэтому омертвление дуба выступает как зловещий признак распада жизни, вторжения демонических сил в ее святилище» [3, с. 50].

В лирических и прозаических произведениях Генриха Гейне встречается в общей сложности 59 упоминаний образа дуба. Во многих случаях традиционная трактовка образа дуба сохраняется, но исходные положительные коннотации зачастую трансформируются или и вовсе разрушаются под влиянием романтической иронии. Здесь эмоциональное восприятие образа определяется и дополнительными авторскими нюансами. Можно выделить следующие тематические группы, в которых исходное представление об образе дуба не претерпевает значительных изменений, но добавляются специфические коннотации:

1. Упоминание в связи с описаниями предметов/групп предметов, относящихся к Германии (15 упоминаний). В основном, в эту группу входят пейзажи и знаковые немецкие реалии. Дуб в качестве части родной земли выступает как исключительно светлый, овеянный воспоминаниями о прежних хороших днях с легкими нотками ностальгии образ в «Новых стихотворениях»:

Ich hatte einst ein schönes Vaterland.

Der Eichenbaum

Wuchs dort so hoch, die Veilchen nickten sanft.

Es war ein Traum. [здесь и далее – цитаты по 4]

Не менее идиллическая картина представлена в «Путевых картинах», где герой восхищается рекой Ильзой и окружающими ландшафтами: «Die hohen Buchen stehen dabei gleich ernsten Vdtern, die verstohlen Idchelnd dem Mutwillen des lieblichen Kindes zusehen; die weiЯen Birken bewegen sich tantenhafte vergnЪgt, und doch zugleich dngstlich Ёber die gewagten SprЪnge; der stolze Eichenbaum schaut drein wie ein verdrieЯlicher Oheim, der das schЪne Wetter bezahlen soll...». Мечты о славной Германии сопровождаются образами дубов и в поэме «Германия. Зимняя сказка». В «Романсеро» появляются романтические мотивы легенды о Мерлине, погребенном под дубами. В «Духах стихий» Гейне прямо говорит о дубе как о любимом дереве немцев: «Aber die Eiche blieb dennoch der Lieblingsbaum des deutschen Volkes, die Eiche ist noch heutzutage das Symbol der deutschen Nationalitdt selber: es ist der grЪЯte und stЪrkste Baum des Waldes; seine Wurzel dringt bis in die Grundtiefe der Erde; sein Wipfel, wie ein grЪnes Banner, flattert stolz in den LЪften; die Elfen der Poesie wohnen in seinem Stamme; die Mistel der heiligsten Weisheit rankt an seinen Dsten; nur seine FrЪchte sind kleinlich und ungenieЯbar fЪr Menschen».

2. Периодически дуб выступает в роли умудренного летами **наставника, с сочувствием наблюдающего за героем (5 упоминаний)**; например, в 58-ом стихотворении цикла «Лирическое интермеццо» дуб сочувствует рыцарю и неосуществимости его мечтаний:

Es sдuselt der Wind in den Bldttern,

Es spricht der Eichenbaum:

»Was willst du, tЪrichter Reiter,

Mit deinem tЪrichten Traum?«

В «Вильяме Ратклифе» мотив дуба звучит в разных тональностях, изменяясь в соответствии с развитием истории любви, создавая необходимый фон для встречи влюбленных, причем в апогее любовной темы листья дуба шепчутся (поддерживая всеобщее радостное возбуждение природы), когда возбуждение сменяется спадом, дуб просто «стоит» (нейтрален), трагическая развязка сопровождается «предсмертным вздохом»:

Die Abendwinde fЪysterten, es rauschten

Die Eichen, schmelzend sang die Nachtigall –

[...]

Und noch viel buntre, wunderliche Reden

Schwatz't sie in einem fort, und setzte sich,

ErmЪdet, mit mir nieder auf die Moosbank,

Die unterm alten Eichenbaume steht.

[...]

Die Eiche sдuselte wie Sterbeseufzer,

Tiefschmerzlich sang die Nachtigall herab

Пример «сочувствующего дуба» в прозе – отрывок из «Путевых картин» (позднее – предисловие к «Дон Кихоту»): «sogar eine alte ausgediente Eiche schluchzte, und der Wasserfall schЪttelte heftiger seinen weiЯen Bart und schien zu schelten auf die Schlechtigkeit der Welt».

3. **Абстрактные понятия (3 упоминания)**, такие, как верность, доблесть сравниваются с дубом; дважды речь идет о ветвях дуба в почетных венках: «Deutsche Treue ist das Thema dieses Dramas, und wir sehen sie hier, stark wie eine Eiche, allen Stürmen trotzen; deutsche Liebe blüht, kaum bemerkbar, in der Ferne, doch ihr Veilchenduft dringt uns um so rührender ins Herz», «Eichen Franz der Vörgertugend» («Романтическая школа»), «einen Kranz von Eichen- oder Lorbeerblättern» («Эссе о Франции. Лютеция»).

4. **Связь с персоналиями проявляется в 8-ми случаях.** Дуб неоднократно встречается в рассуждениях Гейне об известных личностях его времени. При этом очевидно положительное отношение автора к тем, о ком идет речь: Гете (сравнивается со столетним дубом, вокруг которого разросся молодой лес поэтов, современников Гейне), Жан-Поль (оба упоминания в «Романтической школе»), Дженни Линд («Лютеция»), Карл («Французские художники»). В рамках этой тематической группы следует выделить подгруппу **отождествление с лирическим героем** (два упоминания в «Книге песен»), где дуб выступает в метафорической паре герой – дерево. Примечательно, что оба сонета, в которых дуб отождествляется с лирическим героем, следуют один за другим, т.е. есть основание говорить о развитии авторской идеи. В первом случае речь идет о сонете к Генриху Штраубе, первоначально с расширением названия «после того, как был прочитан его журнал, посвященный воскрешению старонемецкого искусства» [5, с. 348]. Выражая свое восхищение трудом Штраубе, метафорически связав идею искусства с образом собора, Гейне сетует на суровую действительность, прибегая к параллельным сравнениям:

Wohl seh ich auch, wie sie den Dom umklettern,
Die flinken Zwerglein, die sich dort erfrechen,
Das hübsche Blum- und Schnitzwerk abzurechen.

Doch mag man immerhin die Eich' entblättern
Und sie des grünen Schmuckes rings berauben -
Kommt neuer Lenz, wird sie sich neu belauben.

Здесь наблюдается и типичный фольклорный мотив возрождения жизни в дубе. Следующее упоминание в первом сонете к Христиану Зете более трагично, поскольку говорит о печальной участи достойного поэта, указывая на неприятие иной моральной позиции:

Ich weiß es wohl, die Eiche muß erliegen,
Derweil das Rohr am Bach, durch schwankes Biegen,
In Wind und Wetter stehnbleibt, nach wie vor.
Doch sprich, wie weit bringt's wohl am End' solch
Rohr?
Welch Glück! als ein Spazierstock dient's dem
Stutzer,
Als Kleiderklopfer dient's dem Stiefelputzer.

В общем, идея сходна: как срывание листы, так и изготовление из древесины выбивальной палки, указывают на унижение, тем не менее, достойно претерпеваемое дубом.

5. **Разрушительные действия (7 упоминаний).** Часто эмоциональным фоном выступают в этой категории картины страшных снов, подобных мистическим видениям. Лейтмотивом выступает образ процесса рубки дуба или вырывания его с корнем, используемый также метафорически для передачи идеи о некой сверхсиле, действующей как на стороне добра, так и зла. Например, второе стихотворение из цикла «Сновидения» рисует мрачную картину ночного ужаса, когда изначально милая и привлекательная девушка срубает дуб, из которого позднее лирическому герою делается гроб:

Inmitten in dem grünen Raum,
Da stand ein großer Eichenbaum;
Und sieh! mein Mägdlein wundersam
Haut mit dem Beil den Eichenstamm.

[...]

Ich ging und nahete mich ihr,

Und flüsterte: O sage mir,

Du wundersüßes Mägdlein,

Wem zimmerst du den Eichenschrein?

Da sprach sie schnell: Die Zeit ist karg,

Ich zimmre deinen Todtensarg!

Мотивы ярости, выражающейся в рубке дубового леса, прослеживаются в стихотворениях «Погодите», «Германия» и в «Романсеро». В «Германии. Зимней сказке» и труде «К истории религии и философии в Германии» способность рушить дубы проявляется как демонстрация невероятной силы и воодушевления.

Но в некоторых случаях традиционная трактовка образа дуба кардинально переосмысливается Генрихом Гейне. Можно выделить следующие тематические аспекты релятивности образа дуба у Гейне:

1. Печаль по утраченному (2 упоминания) проступает в «Людвиге Берне», где во сне появляется образ дуба с полуопавшей листвой: «Auch statt auf schwelenden Rasenbänken, wie die Nymphen des Giulio, kauerten sie auf dem harten Boden, unter halbentlaubten Eichenbäumen, wo, statt der verliebten Sonnenlichter, die quirlenden Dünste der feuchten Herbstnacht auf sie herabsinterten...» На фоне общей картины увядания, осени, смерти рождается то впечатление, о котором говорит Эпштейн: «Именно потому, что дуб – символ жизненной мощи, его увядание, болезнь производят вдвойне томящее впечатление, как будто могила, над которой растет дерево-великан, приняла и его в свои недра» [5, с. 49]. Похожая картина уже мощной волны ностальгии изображена в «Романсеро»:

Wo ist die Fee mit dem langen Goldhaar,
Die erste Schönheit, die mir hold war?
Der Eichenbaum, worin sie gehaust,
Steht traurig entlaubt, vom Winde zerzaust.

2. В духе иронии (16 случаев) по отношению к Германии в целом и ее отдельным представителям переосмысливается у Гейне образ дуба. Так, например, в стихотворении «Генрих» из цикла «Современные стихотворения» идилическая, на первый взгляд, картина природы оборачивается насмешкой: все богатство природных ресурсов Германии используется как оружие:

Fern in meinen deutschen Landen
Heben sich die Eichenwälder,
Und im Stamm der höchsten Eiche
Wächst der Holzstiel für die Streitaxt.

В «Новых стихотворениях» также проявляются мысли о том, что все немецкое теряет свой первоначальный шарм:

Die Eichen sind grün, und blau sind die Augen
Der deutschen Frauen, sie schmachten gelinde
Und seufzen von Liebe, Hoffnung und Glauben; -
Ich kann's nicht vertragen - es hat seine Gründe.

Иронизирует Гейне и насчет неоправданной молчаливости и покорности дубов, слишком долго терпевших ненавистных представителей власти (№7 из вышеупомянутого цикла, «Воевода вислоухий», «Германия. Зимняя сказка»), и по поводу ослабления мощи державы, что как будто бы наивно теряется из виду («К

успокоению»). По своему обыгрывается с помощью параллелизма и образ священного дуба, обвитого омелой: в труде «К истории религии и философии в Германии» немецкий язык и философия соответствуют дубу и обвившей его омеле. Иронией пропитаны и образы дубов в «Людвиге Берне».

Рассмотрение частных примеров употребления образа дуба в произведениях Генриха Гейне позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев сохраняется традиционное представление о нём как дереве мощи, власти и стойкости, неизменном атрибуте Германии. Такое толкование образа все же трансформируется под влиянием романтической иронии, в большинстве случаев сопровождаемой ностальгией. Иногда ирония заостряется при осуждении особо ненавистных поэту недостатков современной ему Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Фрэзер Дж.Дж. Поклонение дубу // Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. Т. 1: Гл. I – XXXIX/ Перевод с английского М. Рыклина. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – С. 217-221.
2. Топоров В.Н. Растения // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 368-371.
3. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии: Науч.-попул. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 34-86, 280-298.
4. Heinrich Heine. Werke. Ausgewdhlt von Mathias Bertram. Digitale Bibliothek Band 7. – Berlin: Directmedia, 1998. – 5478 S.
5. Гейне, Г. Собрание сочинений в десяти томах / Под общей редакцией Н. Я. Берковского, В. М. Жирмунского, Я. М. Металлова. Т. 1. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 388 с.

УДК 82.09=111

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СБОРНИКА РАССКАЗОВ САЛМАНА РУШДИ «ВОСТОК, ЗАПАД»

О.И. Чуванова, Т.Г. Теличко

Резюме. В данной статье предпринята попытка рассмотреть композиционную организацию сборника рассказов Салмана Рушди «Восток, Запад» посредством анализа объединяющей сборник темы «восток–запад», а также повествующей инстанции в каждом из рассказов. Реализация поставленной задачи основана на целостном литературоведческом анализе текста, его системном рассмотрении, а также на технике «close reading».

Ключевые слова: композиционная организация, Восток, Запад, повествующая инстанция.

Проблема культурного противостояния волнует человечество, пожалуй, еще со времен Вавилонского столпотворения, когда люди, внезапно разделенные речевыми барьерами, потеряли способность общаться и понимать друг друга. На рубеже веков/эпох проблемы взаимопонимания и самореализации в «инокультурном» окружении обостряются, что приводит к острым и порой трудноразрешимым конфликтам. Характерным становится противостояние Востока и Запада как двух противоположных культурных центров. В XIX-XX вв. об этом противодействии говорил Р. Киплинг: в своих произведениях он заявлял о важности гармонии в отношениях Запада и Востока, но в то же время и предостерегал от необдуманного вторжения «за черту». В XX-XXI вв. проблема Восток–Запад не теряет своей актуальности, но приобретает несколько иные черты. Одним из писателей, наиболее ярко отразившим специфику двух полюсов в современном мире, является Ахмед Салман Рушди, который затрагивает данный вопрос в большинстве своих произведений. В отличие от Киплинга, С. Рушди представляет взгляд на Восток и Запад с точки зрения восточного человека, выросшего в западном окружении.